

**ДИНАМИКА ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ П. А. ВЯЗЕМСКОГО:
ОТ ЛИТЕРАТУРНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ
ОСВОЕНИЮ МИРА**

*Кафедра русской литературы филологического факультета.
Научный руководитель - Л. Е. Ляпина*

Предмет нашего исследования - поэтическая рефлексия в стихотворном творчестве Вяземского. Она воплощает эстетические представления автора об искусстве слова непосредственно в художественном произведении. В поэтическом творчестве Вяземского насчитывается 510 текстов, содержащих рефлексивные моменты, что составляет 49% от общего количества произведений.

Как показывает анализ стихотворений Вяземского, рефлексивность является основополагающим свойством его поэзии. Она

укоренена, с одной стороны, в общих историко-литературных закономерностях, а с другой - в индивидуально-авторском видении мира.

Изучение поэтической рефлексии Вяземского обнаруживает динамику во взаимодействии художественного и теоретического начал при эстетическом освоении Вяземским проблемы творчества. На протяжении раннего творчества Вяземского (1810-1830-е гг.) поэзия понимается им как мастерство, умение, искусство сочинять стихи. В позднем творчестве (1840-1870-е гг.) поэзия воспри-

нимается как непосредственное выражение впечатлений жизни «внутреннего человека».

Первое было выработано в системе классицизма и ярче всего выражено в метаописательной поэзии XVIII в. Одной из основных тем классицистских стихотворных поэтик было обсуждение норм и правил, которыми должен руководствоваться поэт при создании своего произведения. Критерии, по которым оценивались художественные произведения классицизма, были трансформированы в сентименталистской эстетике на рубеже XVIII—XIX вв.² В сентиментализме сохранилась тенденция к нормативности, однако на первое место выдвинулся новый критерий изящного вкуса, определявший содержание и форму поэтических произведений. Сентименталистская эстетика оказала существенное влияние на поэтику «раннего» Вяземского.

Ведущим мотивом метаописательной поэзии Вяземского 1810-1820-х гг. стал традиционный для произведений предыдущих литературных эпох мотив несовладания мысли со стихом. В 1810-е гг. он мог разрастаться до сюжетного хода:

...Но наш с тобой разрыв, перо мое, напрасен!
Природа победит! И в самый этот час,
Как проповедь читал себе я в первый раз,
Коварный демон рифм, злословцам потакая
И слабый разум мой прельщением усыпляя,
Без ведома его, рукой моей водил³.
(«К перу моему», 1816)

Мотив несовладания мысли со стихом становится частым организующим композиционным принципом произведений Вяземского 1820-х гг. Причем можно выделить несколько направлений в его разработке.

В стихотворении «Москва 29-го декабря 1821 года» (1821) процесс творчества воспроизводится через композиционный прием сочинения поэтом стихотворения вслед за «неуправляемыми» стихом и рифмой:

...Скажите, Пушкин дьявол, что ли?
А здесь под рифму мне Горголи!
Он под перо мое скользнул,
Как пред несчастьем кот черный! (155)

В главе из путешествия в стихах «Станция» (1825) значимо соотношение стихотворного текста и прозаических примечаний к нему. Они образуют своеобразный диалог. Известно, что диалогическое построение текста стало общим конструктивным принципом художественных произведений русского романтизма и закрепилось в его поэтике⁴. Однако семантика и формы противостояния позиций в каждом случае были разными.

В этом произведении Вяземского стихотворный текст противопоставлен прозаическим примечаниям к нему в плане адекватности выражения мысли в стихе. В прозаических примечаниях автор сетует на подчинение мысли рифме: «В стихах всего высказать невозможно: часто говори не то, что хочешь, а что велит мера и рифма» (179). Напротив, в самом тексте при помощи поэтической рефлексии демонстрируется свобода освоения стихотворным словом разнообразного жизненного материала, в том числе и примет польской культуры на языке-оригинале ради сохранения «местного колорита» — основного требования романтизма:

...Или технически скажу
И местность красок удержу:
«Kurczeta, raczki i szparagi»
(Чего не стерпит лист бумаги
И рифма под моим пером?) (175).

Здесь зафиксирован существенный сдвиг в рефлексивности творчества Вяземского. С одной стороны, в прозаических примечаниях поэт традиционно обращается к эстетической проблеме соответствия мысли «мере и рифме», а с другой — в стихотворном произведении ставит новый вопрос о соотношении искусства и действительности: какие сферы жизни и пласты лексики могут стать предметом художественного освоения?

В 1820-1830-х гг. в размышлениях о природе творчества Вяземский выходит к проблеме освоения разнообразного жизненного материала при помощи качественно нового поэтического слова, адекватного дей-

ствительности. Оно было связано с выдвижением на первый план в русской литературе поэзии романтизма, разрабатывавшей новый тип рефлексии.

Известно, что метаописательность поэзии начала века к середине 1830-х гг. вытесняется в русской лирике рефлексией психологической, нацеленной на осмысление в художественном произведении не теоретических вопросов эстетики творчества, а внутреннего мира человека. Самое полное выражение психологическая рефлексия получила в лирике М. Ю. Лермонтова. По справедливому замечанию исследовательницы творчества поэта А. И. Журавлевой, «начиная с Лермонтова поэзия обращена непосредственно к переработке жизненных впечатлений, нет посредничества между душой и жизнью»⁵. Поэтическая рефлексия стихотворений Лермонтова, лирики поэтов пушкинского круга в 1830-е гг. раскрывает психологию творчества.

В стихотворениях Вяземского с конца 1830-х гг. происходил несколько другой процесс: поэтическая рефлексия не вытеснил ась, а соединилась с психологической рефлексией и в этом "синтетическом" качестве обрела новые импульсы для своего развития.

Значимым рубежом художественных исканий Вяземским слова, адекватного действительности, стало его стихотворение «На память» (1837), посвященное смерти А. С. Пушкина.

Традиционный до тех пор в лирике поэта мотив истока вдохновения заменяется противоположным мотивом последнего скорбного слова, связанного с психологической рефлексией:

...От речи радостной, от песни вдохновенной
Отвыкла муза: ей над урной драгоценной
Отныне суждено быть музой вечных слез.
Одною думою, одним событьем полный,
<...>

На память и в завет о прошлом в мире новом
Я вас напутствую единым скорбным словом,
Затем что скорбь моя превыше сил моих...
(261—262).

Смерть Пушкина стала поворотным моментом в жизни Вяземского и предопределила дальнейшую эволюцию его творчества - и поэтической рефлексии.

Вяземский открыл новые основания своей поэтико-психологической рефлексии через «возвращение» к элегическому мотиву памяти. Однако если для элегии важен был обобщенный субъект элегической эмоции, то в поэзии Вяземского 1840-1870-х гг. особенно важен индивидуальный образ автора. Мотив памяти разрастается и конкретизируется в теме воспоминания поэта о свершившейся историко-литературной эпохе как о времени прожитой им личной жизни.

В поэзии Вяземского этих лет размышления о природе творчества связались с поиском опоры своего существования. Новое основание жизни было обнаружено поэтом в конкретно-биографическом прошлом времени, а собственная жизнь стала для Вяземского знаком ушедшей литературной эпохи.

Важным моментом в понимании специфики поэтической рефлексии в зрелом творчестве Вяземского является сочетание эстетического и психологического начал. Во второй половине жизни (1840-1870-е гг.) Вяземский рассматривал эстетические взгляды, свойственные ушедшей эпохе пушкинского времени, как психологическую основу своего нынешнего существования, а литературу прошлого, к которой он был причастен, - как доказательство значимости своего существования в настоящем.

Таким образом, литература и жизнь прошлого связались для «позднего» Вяземского в единый эстетико-психологический комплекс.

Для Вяземского 1840-1870-х гг. статус подлинного течения жизни приобретали события и явления литературного быта, произошедшие в прошлом, участником которых он был: деятельность арзамасского кружка, литературная борьба и полемика 1810-1820-х гг.

В позднем творчестве Вяземского индивидуальный, жизненный, автобиографичес-

кий контекст его лирических стихотворений был прочно увязан с поэтической рефлексией. Однако качество поэтической рефлексии изменилось. Она приобрела историческое измерение и стала неотделима от идеи времени, жизни человека во времени.

¹В стихотворениях Вяземского с поэтической рефлексией прошедшее автобиографическое время становилось настоящим сиюминутным временем в разворачивающемся перед читателем переживании лирического героя, а само прошлое было открыто герою через воспоминание. В свою очередь, в сознании Вяземского прошлая жизнь была прочно связана с литературой. В этом соединении прошлой литературы и

настоящей жизни «поздний» Вяземский обнаружил потенциал своего внутреннего обновления и прямо сформулировал его:

...В воспоминаниях ищу я вдохновенья.
Одною памятью живу я наизусть;
И радости мои не чужды сожаленья,
И мне отрадою моя бывает грусть⁶. (1877)

Таким образом, поэтическая рефлексия Вяземского эволюционировала от востребованных эпохой теоретических *размышлений* о поэзии, переложенных в стихотворную речь, к личностно переживаемому *чувству* «выпадения» из литературной современности. Другими словами, поэтическая рефлексия Вяземского прошла путь от теоретичности к психологизму, от мысли к чувству.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Заповов В. А. Литературные направления в русской литературе XVIII века. СПб., 1995. С. 42-44.

¹ Вяземский П. А. Стихотворения. Л., 1986. С. 94. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы в круглых скобках после цитаты.

³ Лотман Ю. М. К структуре диалогического текста в поэмах Пушкина (проблема авторских примечаний к тексту) // Ю. М. Лотман Избранные статьи. В 3 т. Таллин, 1992. Т. 2. С. 384.

⁴ Журавлева А. И. Лермонтов в русской литературе. Проблемы поэтики. М., 2002. С. 8.

⁵ Вяземский П. А. Поли. собр. соч. В 12 т. СПб., 1896. Т. 12. С. 535.